

Дорогая Саша,
Надеюсь, у тебя все хорошо.
Ты, наверное, надеюсь, согласишься, что
всего. Ты не должна бояться, а и ухожу на работу, не будет протеста
окружа. Я по-прежнему обещаю писать тебе, а и обещаю писать тебе.
Чтобы избежать проблем с долгами взаимоотношений, я решил не связываться
на тебе. Ты так же не забудь хранить мне ве
рности, не жди ее, и ты на свои б
ы и бытие, это было бы несправедливо по
отношению к тебе. Из нас, правда
Надеюсь, ты будешь счастлива.
Преданно твой Дорек Штук

СЕРИЯ «ДОЧЕРИ АВРААМА» I

≡ Беверли Льюис ≡

ОБЕТ

2-е издание, исправленное

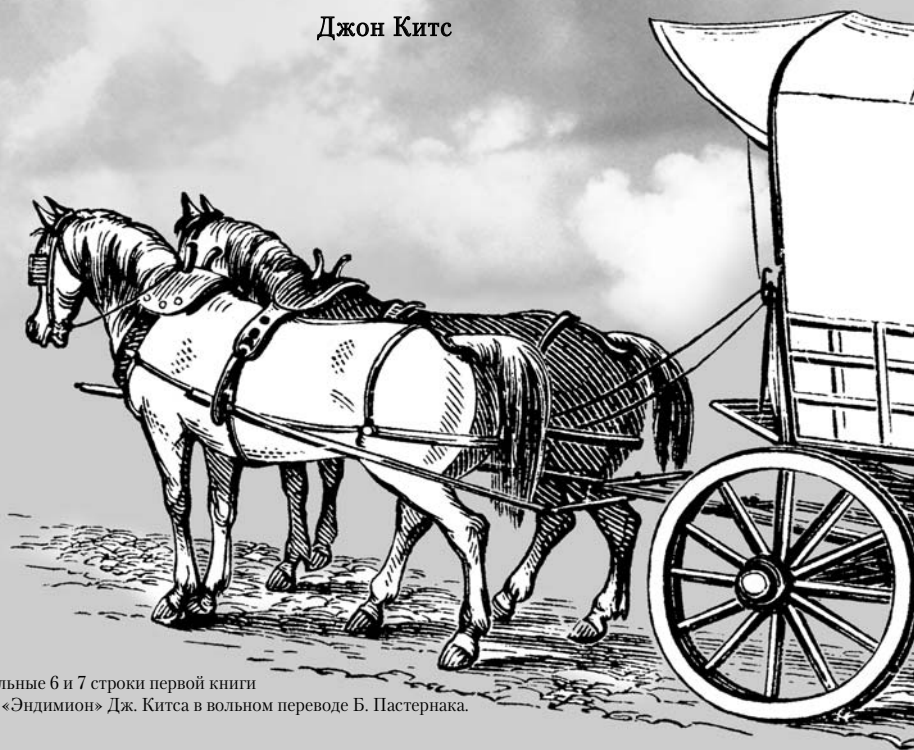

Санкт-Петербург
Издательство «Шандал», 2008

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к чернозему*.*

Джон Китс

* Начальные 6 и 7 строки первой книги поэмы «Эндимион» Дж. Китса в вольном переводе Б. Пастернака.

Ана Дѣрцова

‡ П Р О Л О Г ‡

Л И Я

С юных лет меня не покидала горькая мысль о том, что если бы первой родилась я*, а не моя сестра Сэйди, то в юности у меня всё сложилось бы иначе. Кто знает, от каких испытаний на своем жизненном пути я была бы избавлена и каких мук мне удалось бы избежать. Хотя, с другой стороны, разве кому-то когда-нибудь удавалось изменить свою судьбу?

К моменту моего появления на свет у моих родителей уже была дочь — милая голубоглазая и белокурая Сэйди. Однако когда пришло время выбирать помощницу по хозяйству, отец, не раздумывая, выбрал меня, поскольку я была покрепче своей изнеженной, худенькой старшей сестры. Вот почему я буквально стала тенью отца и к тому времени, когда мне исполнилось восемь лет, уже трудилась в поле рядом с ним, водила пару упряжных мулов, пахала, сеяла, работала во дворе и в амбаре, причем здесь я начала посылно трудиться еще раньше — едва научившись ходить и бегать. Сэйди, разумеется, тоже не оставалась без дела, ведь она была нужна маме для выполнения разного рода «женской работы» в доме. Боже мой, когда Сэйди принималась за уборку или начинала стирать, все у нее получалось на славу. В наших краях, да, пожалуй, и во всем Ланкастерском округе, никто не умел быстрее Сэйди прибраться в доме и вкуснее

*То есть первенцем с вытекающими отсюда правами наследования. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

приготовить рагу из говядины. Но это лишь малая часть ее талантов; кроме этих двух дарований, у Сэйди было много других.

Право слово, моей старшей сестре довелось испытать борьбу с искушениями этого века, с мирскими удовольствиями... и Амишской церковью. Когда Сэйди исполнилось восемнадцать, она стала посещать катехизационные занятия* пастора Йодера, готовясь вместе с другими молодыми людьми последовать за Господом, чтобы, приняв крещение, принести обет на всю жизнь всемогущему Богу и церкви. Однако Сэйди, увы, принесла свое сердце и душу на жертвенник запретной любви.

Как бы там ни было, я хранила в своем сердце ужасную тайну Сэйди. Ах, иногда мне так хотелось увидеть, как ее выводят на чистую воду и тут же наказывают. А порой я просто ненавидела Сэйди за то, что она шла на неоправданный риск и, вероятно, с превеликим удовольствием, причем риск не только глупый, но и чрезвычайно опасный. Вместе с тем я безумно волновалась, ведь когда началось все это предательство, я сама вступала в тот нежный возраст, когда девушки превращаются в барышень, и уже мечтала о воскресных вечерних спевках. Что могли подумать обо *мне* молодые люди в нашем церковном округе, если бы разнеслась молва о бесстыднице Сэйди?

— Обещай мне, Лия, — шептала мне сестра на сон грядущий почти каждый вечер, — что никому и никогда не скажешь ни словечка о Дерри. Никому.

Несмотря на то, что я была *обязана* рассказать отцу и маме о мирском ухажере Сэйди, я не смела даже заикнуться о столь отвратительном деле. Всякий раз, когда я зарекалась не поддаваться на уговоры Сэйди, я тут же понимала, что не могу поссориться с ней. Вскоре я стала думать лишь об одном: как долго мне удастся скрывать от мамы преступление старшей сестры. Честно говоря, мне вообще ничего не хотелось знать о темноволосом юном *энглишере***, сводившем Сэйди с ума.

* Преподавание основ христианского вероучения для подготовки к принятию крещения лиц, прошедших инициацию.

** От нем. *englisch* — английский. Энглишерами пенсильванские амиши называют всех североамериканцев не из числа амишей.

В юности я вечно беспокоилась обо всем, вот и в тех обстоятельствах я боялась, что мне придется всю жизнь играть вторую скрипку, уступая первое место Сэйди. С одной стороны, я жила под надзором строгого и богобоязненного отца, с другой — была вынуждена каждый день проводить в обществе сбившейся с пути старшей сестры. Такова была моя участь, мой крест.

Иногда в сумерках я поднималась по лестнице в спальню, которую делила с Сэйди, и, оказавшись одна, включала впотьмах фонарик и подолгу рассматривала себя в ручное зеркальце, не находя той красоты, которую видели во мне ближние. Из зеркала широко раскрытыми глазами на меня смотрела девчушка-сорванец, заменившая своему отцу сына, хотя, в общем, я была уже молодой женщиной. Невинной, как лунный свет.

Аврамова Лия...

Лет до двадцати к моему имени добавляли имя отца. Возможно, *англишерам* двойное имя казалось благозвучным, и даже весьма. Но любой из членов церкви нашей округи, разумеется, понимал что к чему. Все амиши прекрасно знали, что Лия Эберсол умышленно тянет время, не желая вступать в брак с человеком, которого отец выбрал ей в мужья. Из-за своего упрямства я рисковала сделаться *maidel** — старой девой, как тетя Лиззи Бреннеман, хотя надо сказать, та жила и ни о чем не тужила. На многих молодых женщин безбрачие накладывало отпечаток, вело к охлаждению чувств, но Лиззи была такой же веселой и жизнерадостной, как и все мои знакомые.

Что же касается прозвища Аврамова Лия, то, в общем, оно соответствовало моему решительному характеру. «Она у меня... держится молодцом», — частенько говорил обо мне отец. Кроме того, помнится, я была не робкого десятка и не давала спуска никому, особенно тем кумушкам, которые болтали про «Аврамову неотесанную и строптивую девчонку» и, завидев меня, с презрением воротили нос лишь потому, что я не хлопотала по дому, не пекла пирогов и не занималась рукоделием. Боже мой, именно так проводили *свое* время Сэйди... и Анна, и Мэри-Руфь, и, конечно, мама.

* Диал. от устар. Maid (*нем.*) — дева, девчушка.

Еще бы! Я не стряпала и ничего не делала по дому, потому что целыми днями хозяйничала с отцом на ферме: доила коров дважды в день, собирала из-под несушек яйца, а затем придавала им товарный вид. Я занималась побелкой ограды, а по субботам в мгновение ока вычищала огромный старый амбар. Я привыкла говорить откровенно, не стесняясь в выражениях; была работящей, в общем, нисколько не хуже соседок, наоборот, немного более опытной, лучше разбирающейся в жизни, чем большинство молодых женщин. Иногда летом во время работы в амбаре и поле я даже надевала под длинное платье рабочие брюки, чтобы защитить ноги от пыли и насекомых. Но как бы там ни было, я была очень симпатична моему троюродному брату, Ионе Масту, и мне он тоже нравился.

Ах, в юности я была просто сорвиголовой и за словом в карман не лезла. Это сейчас я стараюсь соблюдать приличия, варю абрикосовый джем и грушевое повидло на продажу *англишерам* и выпалываю сорняки на клочке земли во дворе собственного дома, где посажен гибрид циннии «Зенит» ярко-фиолетового, лимонно-желтого и зеленого цвета. И независимо от обстоятельств очень часто, почти всегда, молюсь перед сном.

Теперь все, с кем связаны мои прежние переживания, остались лишь в моих воспоминаниях: дорогая и любимая мама, непреклонный отец, добродушная тетя Лиззи, беспечная Мэри-Руфь и ее слишком серьезная близняшка Анна — соперничающие, но все равно связанные невидимыми сердечными узами. И Сэйди... ну, милая, конечно, что там скрывать. Все четыре «скромные» сестры, старающиеся жить под всевидящим оком Господа Бога, Отца Небесного, и церкви.

Теперь частенько до наступления сумерек, в то время, когда золотые лучи закатного солнца тихо скользят по лугу, стоит мне ненадолго выйти на переднее крыльцо, как я начинаю погружаться в воспоминания. Одни из них яркие, как в пору юности, ослепительные и незапятнанные, как белые лилии, другие тусклые, почти поглощенные тьмою, тревожно мерцающие. Былые годы отзываются во мне тысячекратным эхом, и воспоминания, как светляки в поле, вспыхивают в моей памяти... и пропадают.

Кажется, вечерний воздух пронизан воспоминаниями, они как будто зывают ко мне — и я, взрослая женщина, находясь в здравом

рассудке, иду на эти призывы. Тогда передо мной словно открывается другое измерение, и я пытаюсь рассмотреть в нем иной мир, который кажется мне бесконечно далеким, иным мирозданием. Там, как в зеркале, я вижу образ, который дороже мне всех земных сокровищ, — улыбчивого, заботливого юношу, его нежные глаза, покоровшие мое сердце в тот чудный день, когда наши взгляды встретились за большим обеденным столом на Втором Рождестве* у маминых родичей в Грасхоперской долине. О, я помнила этот день, хотя по воле отца должна была забыть то, что доставляло мне тайное удовольствие.

Конечно, прошла уже целая жизнь. И теперь я лишь беззвучно шепчу ветру: *«Мой возлюбленный, вспоминаешь ли ты обо мне? Надеюсь, ты всегда помнил, что я навеки была и буду твоей Лией... дочерью Авраама, сестрой Сэйди, чадом Божьим».*

* Второе Рождество — второй день рождественских каникул.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЕТО 1946 ГОДА

Ближе к середине июля, в самый разгар лета, Индюшиный холм пестрел цветами под жаркими лучами полуденного солнца, сиявшего на безоблачном небе. Его знойные лучи пронзали чащу леса, заставляя енотов, кротов и зазевавшихся сурков щуриться и замирать в потоках солнечного света. В лесу, на холме, где росли клены, белые дубы и акации, бродили на приволье одичавшие индейки. Бывало, что беспечные молодки, разомлев от дневной жары или — в сезон охоты — испугавшись оглушительных выстрелов из дробовиков двенадцатого калибра, прятались и пропадали в здешних зарослях ежевики.

«Надо держаться подальше от этого леса», — частенько перешептывались дети фермеров, пугая друг друга байками о людях, которые затерялись и сгинули в дремучем лесу. Чаще всего эти рассказы передавались из уст в уста в страдную пору, когда сумерки подкрадывались незаметно, заставляя врасплох, и на небе появлялась круглая луна, светлый диск которой в это время года казался особенно огромным. Именно тогда отцы семейств во всем Ланкастерском округе отправлялись добывать упитанных индеек к обеденному столу в День благодарения*, однако старшие дети предостерегали младших задолго

* Национальный праздник, ежегодно отмечаемый в США в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами в 1621 г. после голодной зимы в Новом Свете. Считается семейным праздником и отмечается традиционным обедом с индейкой.

до начала сезона охоты, да и после него. «*Этот лес, — говорили они, широко раскрывая глаза, — и в самом деле может проглотить человека живьем*».

В небольшом амишском округе этими суеверными выдумками матушки пугали своих детей, чтобы загнать их домой на ужин в дни каникул — сумасбродное время отдыха от книжек и уроков.

Но один мальчишка и еще несколько его школьных товарищей не обращали внимания на предостережения старших. Летом ребята денно и ночью пропадали в лесу, забираясь в самую глушь, чтобы поиграть в ковбоев и индейцев возле обветшавшей лачужки с навесом, в которой охотники скрывались от осенних дождей и пробирающего до костей холода, перезаряжали ружья и пили горячий кофе... или что-нибудь покрепче. Ребята быстро смекнули, что место, где стоит этот ветхий охотничий домик, было самой таинственной частью мрачного леса. Здесь они говорили друг другу на ушко, что, мол, все, о чем предупреждали их матушки, истинная правда. Солнечные лучи не проникали сквозь густую крону деревьев, и здесь, в сплошном лабиринте из дикого, заросшего кустарником винограда и почти непроходимого подлеска, блуждали серо-синие тени.

Поселение Индюшиный холм и земли вокруг него стали родиной для многих «скромных» и подобных им людей. Приходившие с войны солдаты возвращались в Куорривиль, лежавший в семи милях отсюда на юго-запад, в Страсбург, который находился в пяти милях на северо-запад, и в поселение Найн-Пойнтс — отсюда до него на багги* было рукой подать.

Согласно карте, земли Авраама и Иды Эберсол когда-то составляли неотъемлемую часть страсбургского предместья. Отец Авраама, почтенный епископ Эберсол, ныне лежащий в могиле в ожидании трубного зова, восемьдесят с лишним лет назад выбрал участок земли в семь акров на опушке леса, лежащего в самом сердце Края пенсильванских немцев, и построил дом из серого камня.

Отцовский дом из известняка, который Лия любила называть «берлогой семейства Эберсол», смотрел фасадом на восток, или, как

* Коляска на конной тяге — традиционный вид транспорта амишей, нечто среднее между фургоном и каретой.

нередко говаривала она, «на восход солнца», что заставляло маму кивать и улыбаться. Дом возвышался на холмистой лужайке, где Эберсолы и их друзья устраивали пикники до самой осени. С наступлением лета лужайка покрывалась бархатистой травой, которая при малейшем дуновении ветерка колыхалась, как волны. Позади двухэтажного дома в скромном, по амишским понятиям, амбаре, построенном из выкрашенных белой краской дубовых досок, Эберсолы держали по паре дойных коров, мулов для работы в поле и тягловых лошадей.

Нижний этаж дома был отведен под гостиную и кухню; здесь высокие, почти до самого потолка, окна украшали темно-зеленые шторы, которые, как помнила Лия, никогда не опускали. Мама, до безумия любившая естественное освещение, предпочитала его любому другому и часто повторяла, что не видит никакой необходимости прятаться от сотворенного Господом Богом, Отцом Небесным, света: ни от солнечного, сияющего днем, ни от лунного, мерцающего ночью.

Другое дело — окна второго этажа, где располагались спальные комнаты семейства Эберсол. Когда там находились люди, особенно ранним утром, чуть свет, и с наступлением сумерек мансардные окна второго этажа плотно зашторивали. Авраам был против всякого вторжения в его с Идой личную жизнь, как и в личную жизнь его подрастающих дочерей.

Окна спальни Авраама и Иды Эберсол выходили на запад. Отсюда открывался чудесный вид на фермерское хозяйство — просторный двор и дворовые постройки, огороды, амбар с хлебом, взметнувшийся ввысь ветряк, качавший воду в дом, а дальше — на прекрасный лес. Но Иде Эберсол больше, чем панорама леса с молодым подлеском, нравилось пение птиц, которые перелетали с дерева на дерево и выводили свои трели с конца весны до макушки лета. И открытые окна как будто зазывали гостей.

Тщательный уход и еженедельная генеральная уборка поддерживали старинный дом Эберсолов в замечательном для его возраста состоянии. Авраам и его семья, как и все, кто бывал в этом доме, не только ценили его гостеприимство, но и восхищались передней, коридорами и комнатами для гостей. Это был необычный дом в том смысле, что всякий покидавший его стремился вернуться сюда. Ког-

да, навестив тех или иных родичей, Лия возвращалась домой, ей часто казалось, что парадное крыльцо приветливо улыбается ей, хотя она, как и все семейство, постоянно пользовалась только задним крыльцом. Славный дом семейства Эберсол казался светящимся маяком над морем кукурузы и зеленых лугов на фоне леса и неба.

Всякий раз, когда дочери Авраама запрягали фамильную багги и отправлялись в Страсбург купить материю и всякую всячину, один только вид четырех дочерей Эберсола кружил головы многим. За последнее время тринадцатилетние двойняшки Анна и Мэри-Руфь заметно вытянулись, хотя и были ниже на голову Лии, которой через каких-то несколько недель исполнялось шестнадцать. Красотой печальных карих глаз, длинных ресниц, изящно очерченного носа и подбородка Анна походила на голубоглазую Мэри-Руфь, но мало кто из несведущих людей мог сразу распознать в них двойняшек. Обе сестры, благодаря рыжеватому оттенку своих светлых волос, выглядели просто восхитительно, особенно когда вместе собирали вдоль дороги букеты оранжевых и желтых ноготков или на пару трудились в придорожной лавке своей матери, где продавали фрукты и овощи.

Однако молодые люди почти всегда примечали только Сэйди, девушку с соломенно-золотистыми волосами, которая была на добрых три года старше Лии. Лия же, единственная темноволосая из дочерей Авраама, всеми силами старалась не замечать, что юноши отдают предпочтение Сэйди. Она безучастно наблюдала, как местные ухажеры тянулись к ее привлекательной старшей сестре, особенно теперь, когда Сэйди как будто готовилась принести пожизненный обет Богу и Амишской церкви.

«Чем ближе день, в который Сэйди должна дать обет Богу и церкви, тем больше она кажется мне чокнутой», — думала Лия о старшей сестре, помогая отцу в один жаркий и душный полдень вести мулов с поля. Лия была не из тех, кто любит пустословить, и ни за что не стала бы сплетничать о личной жизни сестер. Видит Бог, в их общине ходило предостаточно слухов, и они рождались, в основном, на общинных посиделках, когда кумушки со всей округи собирались на

квилтинг — совместное составление и шитье квилтов* — и молили языками. Семейные предания о прошлом и настоящем, суждения, рецепты, погода, женские уловки и хитрости — все, что слетало с их уст, становилось достоянием гласности и открыто обсуждалось. Кое-что в этой говорильне было *gut*** и заслуживало определенного внимания, однако по большому счету сами посиделки, как и ручной труд, представлялись Лии пустой тратой времени.

Сама Лия никогда не ходила на подобные встречи, но со слов Сэйди и двойняшек знала о посиделках много такого, о чем даже и вспоминать не хотела. Лии казалось, что вот на таких встречах и рождались разного рода небылицы, рассказы и сплетни. Ей нравилось говорить обо всем открыто, без обиняков, как иногда у нее получалось в беседах с отцом на кукурузном поле или во время пахоты и обработки тучной земли. Лия получала огромное удовольствие от разговоров с отцом. Ей нравились лаконичные замечания отца и его деловой, серьезный подход к жизни. В конце концов, Сэйди была любимицей мамы, а двойняшкам уделяли внимание оба родителя.

До последнего времени Лия никогда не теряла голову и, по-видимому, этим заслужила доверие отца, хотя именно с ним она горячо спорила об одной вещи, казавшейся ей совершенно ясной и очевидной. Много лет назад ее отец принял решение, за кого из молодых людей в один прекрасный день Лия выйдет замуж, хотя, спроси его, он не смог бы с уверенностью ответить, что речь идет о каком-то *соглашении*, ибо «скромным людям» подобные договоренности совершенно несвойственны.

Этим молодым человеком был Гедеон Пичи — единственный сын кузнеца с ближайшей фермы. Вообще-то его звали Гед-кузнец, чтобы отличить от других ребят в округе с таким же именем. Отец Гедеона, как и отец Лии, много лет посвятил земле, и еще до рождения Лии владения одного граничили с владениями другого. Во время полевых работ отец любил говаривать Лии, простирая руку на восток

* Квилты — лоскутные одеяла; составление квилтов — традиционное ремесло амишских женщин.

** Gut (нем.) — добро, хорошо.

Õsügu Ìbercor

в направлении пятнадцати акров земли, принадлежащих кузнецу: «Присмотрись-ка хорошенько, дочь, к своему будущему... вон туда. Бог никому не давал такой прекрасной земли, как нашему соседу-кузнецу».

Что и говорить, вопрос о замужестве был запутанным, ведь Лии хотелось угодить любимому отцу, она прекрасно понимала, какое благо ожидало Гедеона как жениха, а равно и ту счастливицу, которая станет его невестой: после бракосочетания сын кузнеца получал право на владение обширными отцовскими угодьями. Все это, несомненно, сыграло свою роль в согласии, которого достигли кузнец Пичи и Авраам Эберсол в то время, когда Лия и Гедеон были еще детьми. Кроме того, их отцы были старыми друзьями, и отец Лии просто мечтал о таком сыне, как Гедеон.

Никаких романтических чувств к девятнадцатилетнему Гедеону Лия не питала. Хотя, конечно, он был очень симпатичным. Его волнистые каштановые волосы походили на ее собственные, а чего стоили гладкие щеки, которые покрывались румянцем, когда он широко улыбался. Гедеон был хорошим парнем, умным, трудолюбивым и искренним. К великой радости отца и всей амишской округи, он имел, как отказник*, аграрную отсрочку, которую получали многие парни восемнадцати лет и старше.

Лия со своими сестрами и Гедеон со своими — Адой и Доркой — росли вместе, летом качались на длинном канате в сенном амбаре Пичи, а зимой катались на коньках по замерзшему Дроздиному пруду. Лия по собственному опыту знала, каким добросердечным мальчиком был Гедеон. К тому же Ада — одна из ее лучших подруг.

И все же сердце Лии принадлежало Ионе Масту, и никому другому. Об этом, разумеется, не знал никто, кроме Сэйди, поскольку сердечные дела хранятся в тайне, — так в свое время поступали влюбленные родители Лии, а перед ними — их родители. Теперь Лия с нетерпением ждала дня, когда ей исполнится шестнадцать. И тогда наконец-то она сможет возвращаться с воскресной спевки домой в открытой багги Ионы и потихоньку, чтобы не потревожить домашних, подниматься к себе наверх и, услышав, как — *цок-цок* — сту-

* Человек, отказывающийся идти против совести в армию.

чат лошадиные копыта — это Иона Маст возвращается в предрасветный час домой, — предаваться сладким мечтам о романтической любви. Увы, ускорить приближение второго октября было не в ее силах!

Небольшая холмистая возвышенность, известная под названием Индюшиный холм, никогда не пугала молодого Дерека Шварца — младшего сына сельского врача. Вопреки предостережениям матери, он забирался в мрачные лесные дебри и чувствовал себя там как дома. С детства он любил играть с огнем, не опасаясь обжечь крылышки, нарывался на неприятности, неустанно бросая вызов почти всем, кто становился у него на пути. Дерек прожигал жизнь, как будто рассчитывал жить вечно.

Однажды под вечер в середине августа Дерек увидел Сэйди Эберсол и влюбился в нее с первого взгляда. Это произошло в Страсбурге, где две девицы из амишской общины пытались водить за нос *энглишеров*. У девушек была пора *румшпринге** — время полной свободы, когда подростки с позволения общины могут перед церковным обрядом крещения не стесняться себя никакими ограничениями. Вот и сегодня вечером, чтобы поразвлечься, девушки вместо традиционных платьев и молитвенных чепчиков** надели нарядные хлопчатобумажные юбки и блузки с короткими рукавами. Но приятель Дерека Мелвин Уорнер, носивший большой кок, зачесанный на косо́й пробор, тут же распознал в них амишских девиц и сказал:

— Ты только посмотри, какие у них волосы... волосок к волоску, ни одной завитушки и завлекалки, как у *наших* девочек.

* Румшпринге — обряд инициации в традиционном амишском варианте, испытание большим светом; длится с 16 лет на протяжении месяцев и даже лет. В этот период юноши и девушки освобождаются от соблюдения церковных правил и могут вести среди «энглишеров» соответствующий образ жизни. Независимо от случившегося в период испытания Амишская церковь ожидает таковых обратно для исполнения заповеди водного крещения, приняв которое прошедшие испытание, «информированные» дети принимают Христа и обязываются неукоснительно выполнять все требования Амишской церкви.

** Головной убор белого или черного цвета, прикрывающий затылок и завязывающийся тесемочками под подбородком.

Ну как же, Дерек сразу обратил внимание на длинные густые волосы девушек. Он также заметил растерянный взгляд голубых глаз Сэйди и изгиб ее полных губ, когда она улыбалась.

— Какая мне разница, «скромные» они девочки или нет, — тут же отреагировал Дерек. — Говорю тебе, блондиночка моя.

Сказав это, он поднялся из-за стола, за которым он и его друзья — недавние выпускники средней школы — пили коктейль с солодовым молоком и дурачились в ожидании приключений, и направился к наивным девочкам с широко раскрытыми глазами, чтобы поболтать с ними. Прежде всего, с Сэйди.

Даже если бы кто-то и посоветовал Сэйди не спешить вечером в ближайшую пятницу в Страсбург, ибо может случиться нечто непоправимое, она ни за что не послушалась бы. Не в первый раз Сэйди тайком уходила из дома, сменив длинное платье, накидку с капюшоном, черный передничек и простенький *кан** на мирской наряд. При этом ей нравилось расчесывать волосы на косой пробор и перебрасывать их через плечо. Ах, сколько раз в своих тайных, скрываемых от всех мыслях она желала... нет, мечтала о таком юноше, как вон тот. Да к тому же он *англишер*! Высокий красивый парень с темными роскошными волосами, каких она никогда в жизни не видела, направлялся теперь к ней. Застыв в ожидании, Сэйди уже знала, что цель у того одна — она сама! Глубокий, проникновенный взгляд темных глаз парня просто заворожил ее, и она при всем желании не могла бы от него оторваться. К тому же Сэйди как будто встретила его раньше. Быть может, во время учебы в Джорджтаунской публичной школе**, что неподалеку от дома Эберсолов, которую она посещала со своими сестричками, младшими родственниками и друзьями из числа «скромных людей»? У нее даже пересохло во рту, и ей пришлось облизать губы. Она надеялась, что он не заметит, как ужасно она волнуется, оказавшись в непривычном для себя окружении.

* От нем. Карре; то же, что и молитвенный чепчик.

** Особая школа, где ученики всех возрастов занимаются в одной классной комнате.

Быстро оглядев себя, все еще не привыкшую к модному наряду, особенно к туфлям с белыми союзками и коротким белым носочкам, которые *англишеры* называют бобби-сокс*, Сэйди так и не смогла понять, как выглядит в глазах этого юноши. А вдруг он уже раскусил, что она «скромная» девица, только принаряженная? А может быть, ему наплевать на это, хотя бы он и узнал правду? По сиянию его глаз она поняла, что ее анабаптистское происхождение не имеет сейчас совершенно никакого, ну никакого значения.

Сэйди чувствовала, как колотится ее сердце под тонкой хлопчатобумажной блузкой, которую она надевала *под* рабочее платье, чтобы мама с Лией ни о чем не догадались, если бы случайно увидели ее выходящей из дома уже после того, как она с сестрой отправилась спать. По всему телу Сэйди разливалась жаркая сила. Подняв голову и слегка склонив ее набок (это движение нарочно отработывалось не раз и не два в день), Сэйди с притворной застенчивостью улыбнулась юноше — первый привет сыну состоятельного доктора. Как вскоре она узнала, юношу звали Дерри, и это уменьшительное имя, которым его окрестили приятели, нравилось ему больше полного имени Дерек, данного ему родителями в честь благочестивого дедушки по линии отца, благовестника.

Когда Лия неожиданно и некстати проснулась, место на кровати, где спала Сэйди, было пусто. И это в пятницу-то и в такой поздний час! Церковные спевки — Лия знала наверняка — не проводятся по пятницам. «*Опять Сэйди упорхнула в мир*», — подумала Лия. А что если мама и отец узнают, что их своенравная дочь уходит из дома после того, как вся семья отправляется спать? «*И почему Сэйди такая дерзкая, непокорная, Господи?*» — прошептала она в темноте.

Лия соскользнула с кровати и подошла к одному из окон. Приподняв шторы, она посмотрела на белесое ночное небо, залитое серебристым светом висевшей над амбаром луны. И как это Сэйди удалось удрать *на сей раз*? Не настолько сестра привычна к работе во дворе, да что говорить, тут она полная неумеха, — так что вряд ли бы ей

* Обязательный для американских школьниц элемент школьной формы в 1930–40 гг.

удалось незаметно и бесшумно в такую тихую ночь при таком ярком свете луны запрячь в фамильную багги одну из ездовых лошадей. Ах, у Сэйди это никогда не получилось бы! *Должно быть, она укатила с кем-то, у кого есть своя машина.* Как только подобная мысль пришла Лии в голову, ее едва не стошнило. Ну, конечно же, Сэйди не опустится так низко, не выкинет такое. К чему ей сводить с ума родителей, срамить и бесчестить все семейство? Как Лия ни успокаивала себя, она все равно боялась, что именно так и поступила ее сестричка. Ах, к чему сейчас беспокоиться о том, что неизвестно и что невозможно изменить! Тем более о том, что нельзя проконтролировать.

Лия знала, что скоро начнет светать. Первая дойка в пять часов утра, и отцу потребуется ее помощь. В конце концов, ей нужно отдохнуть, ведь *кто-то* здесь должен исполнять свой долг и в выходные.

Отвернувшись от яркого лунного света, Лия опустила шторы и на цыпочках вернулась к постели. Не желая думать о других постыдных, недостойных делах, о которых ее сестричка могла помышлять в этот поздний час, Лия вздохнула. Она скользнула в постель и, едва прикоснувшись к подушке, уснула. Ей очень хотелось спать. И вправду, ей нужно было отдохнуть.

Радио в кафе играло на полную катушку — передавали «Чикиту», аккорды калипсо* с двухчастным размером: *«Пепси-кола — вот что нужно, унций полных дюжина, для начала хватит пары...»* — когда Дерек с приятелем и двумя «скромными» девицами, которых они закадрили, направился в сторону автомобиля Мелвина Уорнера. Вскоре они, смеясь и отпуская шуточки, уже катили вниз по Джорджтаун-роуд в сторону Индюшиного холма. Дерек почти сразу понял, что Сэйди Эберсол, его неожиданная интрижка на вечер, сильно отстала от моды. Правда, не во всем.

— Тормозни-ка здесь, — попросил он приятеля. — Сэйди и я... мы выходим.

— Ты *пойдешь* провожать через этот лес? — спросил Мелвин, не выходя из машины.

* Мелодии вест-индского происхождения, подвергшиеся влиянию джаза; песни на эти мелодии со злободневным импровизированным текстом.

И тут впервые за весь вечер Дереку показалось, что Сэйди чего-то боится. Окинув его недобрым, настороженным взглядом, она спросила:

— Неужели мы пойдем через лес?

— Не бойся, я знаю его как свои пять пальцев, — отозвался он и распахнул дверцу автомобиля, помогая ей выйти.

— Ой ли, Сэйди, ты уверена? — спросила, наклонившись к ним, сидевшая рядом с Мелвином на переднем сиденье подружка Сэйди из общины, хотя, похоже, она не очень-то беспокоилась. — Ты же знаешь, как говорится... В этот лес не ходи, ведь дороги назад не найти.

— Все будет хорошо, — заверил ее Дерри.

— Не волнуйся, Ноеминь, — успокоила Сэйди подружку, бросив ей на колени через открытое окно свой рюкзачок. — Вот... не в службу, а в дружбу, позаботься об этом. Завтра заберу у тебя.

Когда япимобиль* Мелвина с грохотом покатился вниз по дороге, Дерри повернулся к Сэйди и подал ей руку, помогая переступить через канаву, которая тянулась вдоль обочины, и повел ее через подлесок в сторону Индюшиного холма.

— Ты что же, никогда не бывала здесь? — спросил он, разглядывая девушку при свете луны.

— Нет, — ответила она. — Я хожу к... одной женщине, она живет в избушке с другой стороны леса. Мы с сестричками добираемся к ней по грунтовой дороге, вон там, где заросли наперстянки.

Усыпанную цветами сторону Индюшиного холма, на которую указывала Сэйди, Дерек знал не очень хорошо. Было дело, он встречал там несколько раз женщину, о которой говорила Сэйди, и видел таблички с предупреждающей надписью для охотников: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН», которые женщина расставила по периметру своего земельного участка, занимающего пять акров. Спрятав улыбку, он подумал: «Сэйди наверняка считает меня пустоголовым... Та женщина, несомненно, из амишей». Он запомнил ее работающей в цветнике, который разбит вокруг ее жилища.

* Многоместный легковой автомобиль с откидными сиденьями и задним откидным бортом, пользуется спросом у энергичных и обеспеченных молодых людей.

⌘ О Г Л А В Л Е Н И Е ⌘

Предисловие к русскому изданию	5
ЧАСТЬ I	7
Пролог	9
Глава первая	14
Глава вторая	28
Глава третья	40
Глава четвертая	48
Глава пятая	61
Глава шестая	71
Глава седьмая	84
Глава восьмая	94
Глава девятая	106
ЧАСТЬ II	117
Глава десятая	118
Глава одиннадцатая	128
Глава двенадцатая	138
Глава тринадцатая	151
Глава четырнадцатая	158
Глава пятнадцатая	170
Глава шестнадцатая	180
Глава семнадцатая	191
Глава восемнадцатая	201

Глава девятнадцатая	213
Глава двадцатая	223
Глава двадцать первая	229
Глава двадцать вторая	235
Глава двадцать третья.....	244
Глава двадцать четвертая	252
Глава двадцать пятая	265
Глава двадцать шестая.....	276

